

ЭТНОС, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 2002 г., ЭО, № 6

З.М. Абдулагатов

СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ДАГЕСТАНЕ (ПРОЦЕССЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ)

В досоветское время мусульманская религиозная составляющая массового сознания дагестанцев обладала внушительным влиянием на все стороны общественной жизни. Десятилетия советской власти вроде бы свели на нет и социокультурную базу мусульманской религии, и само мусульманское религиозное сознание. СССР считался первым в мире государством массового атеизма. Ошибочность подобных убеждений показывают процессы интенсивного подъема религиозного сознания на всем постсоветском пространстве. Особенно наглядно это видно на примере Кавказского региона. В этом смысле можно говорить о второй исламизации Северного Кавказа, в том числе и Республики Дагестан (РД).

Принято считать, что ускоренное возрождение ислама в постсоветских республиках произошло по причине ликвидации социалистических форм управления, вытеснения атеистической идеологии. Следует, однако, заметить, что даже, например, в арабских странах наблюдается исламское возрождение.

Одну из главных причин мирового исламского возрождения аналитики видят в том, что вследствие несостоятельности существующих правящих режимов, их коррупции и политического банкротства, отсутствия вдохновляющей альтернативы образовался идеологический вакуум. Этот вакуум стал быстро заполняться исламскими ценностями. Нечто похожее происходило и на территории бывшего СССР после его распада. Исламское возрождение в России, в частности в Дагестане, вошло в резонанс с мировыми исламскими процессами. Но для быстрых темпов исламского возрождения в Республике Дагестан одного лишь духовного вакуума было недостаточно. Значительную роль сыграли зарубежные религиозные и религиозно-политические организации. Их деятельность развивалась в двух основных направлениях.

Во-первых, велась активная миссионерская деятельность по внедрению в религиозное сознание бывших советских граждан нетрадиционных форм исламского вероисповедания (фундаменталистских, религиозно-экстремистских). В Дагестане миллионными тиражами распространялась исламская религиозная литература. Для этой цели эффективно использовались паломники в Саудовскую Аравию из Дагестана. Во второй половине 1990-х годов таковых ежегодно было более 10 тыс. человек.

Во-вторых, оказывалась финансовая помощь различным местным религиозным организациям, в том числе экстремистским. Постройка соборной мечети в Махачкале, издание в течение ряда лет таких религиозно-экстремистских газет, как «Путь ислама», «Знамя ислама», научно-популярного журнала «Халифат» (издававшегося в Чечне, но активно распространявшегося и в РД), финансирование деятельности вооруженных ваххабитских группировок Буйнакского р-на – примеры такого рода помощи.

Среди внутренних причин стремительного распространения исламских настроений в республике особое место занимает ее социально-экономическое положение. В постперестроечное время по многим показателям Дагестан стабильно занимал последние

места среди 89 субъектов РФ. В конце 1990-х годов зарплата дагестанцев была в 2,5 раза меньше, чем средняя по России. Примерно в 1,4–1,8 раза ниже, чем в соседних регионах. К концу 1999 г. из 900 тыс. человек экономически активного населения РД не имели занятия, но активно его искали 250 тыс. (27,8%). В то же время официально зарегистрированными на бирже труда оказались лишь 53,9 тыс. человек, или 6% экономически активного населения. По социологическим опросам, среди причин нежелания безработных регистрироваться доминировали такие факторы, как унижительность официального статуса безработного и отсутствие надежд на решение своих проблем посредством пособия по безработице. При всем том, что менталитет дагестанца мало способствует принятию статуса безработного, официальная безработица в РД также намного превышает общероссийскую. В 1996 г. по РФ официальных безработных было 3,4%, тогда как в РД – 8,2%¹.

Известно также, что в горной зоне РД безработица – еще большая проблема. Нужно также обратить внимание на то, что население горной зоны республики сохранило многие общинные традиции. Это объясняется удаленностью и труднодоступностью большинства населенных пунктов горного Дагестана². По этой же причине реформы проходили здесь со значительным опозданием. Сплошная коллективизация была осуществлена почти на десятилетие позже, чем в целом в СССР, – в 1939–1940 гг. Современная дорожная сеть, связывающая горную зону с равнинной, возникла в конце 1940-х – 1960-е годы. При этом до сих пор связи с горной зоной ослабляются зимой и ранней весной. Все это не могло не способствовать большей сохранности религиозных исламских традиций, которые в советское время не могли проявить себя в полной мере.

Исламское возрождение в цифрах

Россию лишь условно можно назвать православным государством. В 2000 г. в РФ официально зарегистрированы 17,5 тыс. религиозных объединений. Из них Русской православной церкви принадлежат 9 тыс., 5,5 тыс. – католические и протестантские; 3 тыс. – мусульманские религиозные организации³.

В советском Дагестане в предперестроечное время были 27 мечетей и немногочисленное количество их служителей. До революции 1917 г. Дагестан имел 1702 мечети, 5000 мулл, 2311 медресе. По данным Комитета по делам религии правительства РД, к январю 2001 в республике зафиксированы 1585 действующих мечетей. В целом в России к 1999 г. функционировали 7 тыс. мечетей против 311 в 1968 г.⁴ Динамика роста числа мечетей в РД была стремительной: 1988 г. – 27 мечетей; 1992 г. – 800; 1994 г. – 1050; 1996 г. – 1180; 1998 г. – 1495; 1995 г. – 1555; 2000 г. – 1585. Этот процесс в основном шел за счет пожертвований частных лиц и общественных организаций. Относительный рост числа мечетей в Дагестане шел в 2 раза быстрее, чем в общем по России.

К 1 января 2000 г. в республике функционируют 2 исламских университета, 11 исламских институтов, 25 филиалов вузов, 121 медресе, 97 примечетских начальных школ⁵.

В 1996–1999 гг. количество совершивших хадж из РД в Саудовскую Аравию соответственно составило 12,7 тыс., 12 тыс., 13,5 тыс., 7 тыс.⁶ По данным Комитета правительства РД по делам религий, в 2000 г. число паломников было 5400. Число дагестанских паломников в отдельные годы доходило до 70–80% от общего числа российских, тогда как мусульманское население республики раз в десять меньше российского.

В республике в 1997 г. действовали 839 святых мест. Десятью годами ранее их было 125.

В советское время существовало единое Духовное управление мусульман Северного Кавказа. На первом съезде мусульман Северного Кавказа в мае 1989 г. в г. Буйнакске РД оно распалось. В начале 1990 г. образовались несколько самостоя-

тельных муфтиятов в республиках региона (дагестанский, чеченский, осетинский и т.д.) На III съезде мусульман Дагестана в феврале 1992 г. Духовное управление республики (ДУМД) раскололось по национальному признаку. В настоящее время в РД одно духовное управление, зарегистрированное в Минюсте РД 8 сентября 1994 г. Это самая влиятельная религиозная организация республики.

Общественно-политические исламские организации РД представляют Дагестанское отделение общероссийского мусульманского движения (НУР), Дагестанское отделение общероссийского общественно-политического движения (Союз мусульман России), Исламская партия Дагестана. Численность населения РД на начало 2000 г. составляла примерно 2143 тыс. человек⁷.

По переписи населения 1897 г., в Дагестанской области проживали 540 290 «магометан»⁸. Это без затерченной северной части современного Дагестана, которая не входила в Дагестанскую область. Примерно за 100 лет численность мусульманского населения Дагестана увеличилась в 3,7 раза. По сравнению с мировыми, темпы ее роста – низкие. За последние 100 лет численность мусульман мира увеличилась в 5,5 раза, достигнув в 2000 г. 1180 млн. человек. Причем, как показывает статистика, этот рост менее чем на 1% происходит за счет новообращенных⁹. Проводить какие-либо сравнения со статистическими данными по России затруднительно из-за срыва проведения Всероссийской переписи населения в 1999 г. В средствах массовой информации и специальной литературе, говоря о численности мусульман России, указываются цифры от 3 до 30 млн.¹⁰ Если исходить из данных переписи 1989 г., где число мусульман определяется цифрой 12 млн. человек, то можно говорить о наличии в России к началу XXI в. примерно 15 млн. мусульман.

Появление нетрадиционных форм исламского вероисповедания в Дагестане связано с ваххабизмом и другими проявлениями исламского фундаментализма. Вопрос о мере охвата экстремистскими формами фундаменталистской идеологии населения РД недостаточно ясен. Министр по национальной политике, информации и внешним связям М. Гусаев заявлял о наличии не более 1% ваххабитов среди дагестанцев, т. е. около 20 тыс. человек. Отдельные исследователи говорят о возможности проживания в РД 5% ваххабитского населения. В средствах массовой информации этот показатель поднимался выше, до 10%¹¹.

В настоящее время не только не известно, сколько в республике сторонников ваххабитского направления в исламе, но и то, как это можно было бы узнать. Это стало еще большей проблемой после принятия Закона о запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории РД в сентябре 1999 г. Закон не столько устранил ваххабизм, сколько загнал его в подполье.

Казалось бы, территориальные границы распространности ваххабизма в РД должны быть более определенными, так как ваххабизм неизбежно проявляет себя в политическом действии. Тем не менее в научных публикациях имели место абсолютно необоснованные доводы, связывающие этот вопрос с вопросами межнациональных отношений в Дагестане¹². В действительности территория распространения ваххабизма не имеет никакого отношения к проблемам межэтнических отношений в РД.

По официальным данным, еще в 1996 г. произошли столкновения между сторонниками ваххабизма и традиционными верующими в с. Миатли Кизилюртовского р-на, в селениях Цумадинского р-на. Центры ваххабизма в РД находились в следующих районах: Кизлярском (села Кироваул, Комсомолец, Старое и Новое Миатли), Хасавюртовском (Первомайское, Муцалаул, Теречное, Советское), Казбековском (Инчха, Гертма), Буйнакском (Карамахи, Чабанмахи, Кадар, Буглен), Гунибском (Кудали, Софатль), Карабудахкентском (Губден, Маыас). Под контролем ваххабитов в то время функционировали 14 медресе¹³. По истечении почти пяти лет нет оснований думать, что в этих населенных пунктах ваххабитская идеология преодолена. Более того, проявления деятельности ваххабитов в новых населенных пунктах РД наблюдались и после событий в 1999 г., например, в Ахтынском р-не.

Важнейшие характеристики исламского возрождения РД – количественные и ка-

чественные показатели состояния религиозности ее населения. В целях выяснения данного вопроса в 2000 г. отделом социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра (далее – Институт ИАЭ ДНЦ) был проведен социологический опрос во всех трех географических зонах (равнинной, предгорной, горной) республики. Социологическая выборка составила 600 человек.

Опрос показал, что количественные показатели религиозности мусульманского населения РД – высокие. Определивших себя как верующих среди тех, кто ответил на поставленный вопрос, оказалось 83,6%. Предположение о том, что верующими назовут себя большая доля опрошенных в предгорной и особенно горной зонах, не подтвердилось. Более того, в горной зоне о своей принадлежности к мусульманству заявило наименьшее число респондентов – 79,2% ответивших на вопрос. Не подтвердилось предположение и о низком уровне религиозности среди научных работников. Процент верующих от общего числа ответивших на заданный вопрос среди них оказался равен 80.

Сравнение результатов опроса по возрастным категориям выявило еще одну неожиданность: называющих себя верующими среди пенсионеров оказалось меньше, чем в других группах, – 48,8%. В остальных возрастных группах религиозность колебалась в незначительных пределах вокруг общих позиций.

Приведенные данные приобретают определенное звучание в сравнении с результатами всероссийского опроса, проведенного Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИС и НП) в феврале-марте 2000 г.¹⁴

По результатам этого исследования 46,9% респондентов говорят о своей вере в бога, что значительно ниже соответствующего показателя по Дагестану. Значительно более высоким, по сравнению с мусульманским населением РД, оказался и процент неверующих – 37,6%.

В общей выборке среди верующих в бога оказались 41% мужчин и 59% женщин. Среди мусульманского населения России эти позиции соответственно выражаются числами 48,3% и 51,7%. По Дагестану разница между числом верующих мужчин и женщин также оказалась небольшой: в пределах 2%.

К сожалению, количественные показатели не дают полного представления о состоянии религиозности населения РД, а в отдельных случаях вводят и в заблуждение при характеристиках объективной ситуации.

Под качественными характеристиками религиозности населения целесообразно иметь в виду степень исполнения верующим человеком требований веры, глубину исполнения вероисповедных положений той или иной конфессии.

По данным опроса РНИС и НП, у верующих респондентов наблюдается большая этническая толерантность, чем у неверующих. Первые, как оказалось, более неверующих отрицают значение национальности во взаимоотношениях людей, что вполне соответствует сознанию носителя принципов мировой религии (71,8% – верующие, 65,5% – неверующие). Данная ситуация в одном из социологических опросов по Дагестану была спроецирована на сложную для Дагестана проблему переселения с гор на равнину. Респондентам был задан вопрос: «Как Вы отнеслись бы к тому, что в Ваш населенный пункт по тем или иным причинам переселили бы большую группу лиц: а) иной национальности; б) вашей национальности?» Верующие мусульмане проявили в своих ответах большую нетерпимость к инациональным переселенцам, чем неверующие (27% против 13,5%). Положительное отношение к переселению представителей своей национальности также в большей степени выражено верующими (38,7% против 32,2%).

Респондентам был также задан вопрос о том, насколько часто и в какой связи они совершают (или не совершают) намаз, молитву. О том, что постоянно совершают намаз, заявили 43% тех, кто считает себя верующим. Это примерно треть опрошенных, что значительно ниже числа респондентов, которые считают себя «убежденно верующими» – 59,4%.

Наиболее значительные расхождения в ответах на данный вопрос наблюдаются в

зонах и населенных пунктах, различающихся своими социально-экономическими и культурными особенностями. Так, в равнинной зоне оказался наименьший процент респондентов, постоянно совершающих намаз, – 24,8%, а в предгорной – наибольший – 75,8%. Среди социальных групп наименьший показатель у научной интеллигенции – 13,3%. Эти показатели резко разнятся с приведенными выше количественными показателями опроса данных групп по проблеме их отношения к вере.

По результатам анализа этих и других вопросов анкеты можно сделать вывод о невысоком уровне исламского, мусульманского самосознания дагестанца, который зачастую довольствуется вербальными заверениями о своей вере. Отсутствие высокой культуры веры наблюдается на самых различных уровнях – от рядового верующего, сельского имама до высших духовных лиц республики. Это обстоятельство есть одна из причин, порождающих межличностные и общественные трения.

В социологическом опросе ставилась задача выяснить, насколько верующие мусульмане восприимчивы к некоторым принципиальным идеям исламского фундаментализма. Более половины ответивших на анкетный вопрос (54,5%) считают, что «мусульманская религия для мусульман должна быть такой, какой она была при пророке Мухаммаде», т. е. поддерживают фундаменталистский подход в выборе системы исламских ритуалов. Наибольший процент в «фундаменталистской» позиции оказался среди респондентов предгорной зоны – 82,0. По тому же показателю сельских районов значительно опережают города республики – 60,9% и 42,7% соответственно. Опрос показал, что именно та группа респондентов, которая состоит из верующих, постоянно совершающих намаз, оказалась наиболее «фундаменталистской». Нужно подчеркнуть, что это обстоятельство ни в коей мере не говорит об экстремистских пристрастиях верующих. Таковыми они могут быть при определенном дальнейшем развитии религиозного сознания в кризисных социально-экономических, социально-политических условиях. Ваххабизм как экстремистская форма исламского фундаментализма способствовал оживлению в РД идей фундаментализма. Но не всякий фундаментализм есть экстремизм, тем более ваххабизм. Это различие не было учтено в организации противодействия религиозному экстремизму в республике.

Светское и религиозное в современном Дагестане

Отношения государства и церкви, светского и религиозного в современном Дагестане так же, как и во всей России, приобретают новые черты. Хотя во многом в этих вопросах Дагестан идет своим путем, нельзя не заметить, что решение многих принципиальных вопросов возможно только на федеральном уровне.

Характерным для России в целом является то, что основные конфессии страны – православие и ислам – считают ненормальным положение, при котором религия вытеснена из общественной жизни как сугубо личное дело каждого человека. Это обстоятельство, как полагает известный деятель Русской православной церкви митрополит Кирилл, – причина глобального столкновения между двумя моделями цивилизаций – светской и клерикальной.

По его мнению, «конфликт, конечно, уже происходит... Тень этого конфликта недавно легла на Северный Кавказ...»¹⁵. Разрешение конфликта на Северном Кавказе митрополит Кирилл усматривает в том, что народы, исповедующие ислам, могли подчиниться нормам шариата, а не общероссийским законам. В действительности причины конфликтов лежат в основном в социально-экономических условиях.

Во всяком случае опрос, проведенный отделом социологии Института ИАЭ ДНЦ РАН, показывает, что в РД массовое сознание не связывает свое будущее с отходом от государственного и переходом к исламским нормам и традициям. Так, на вопрос о том, хотят ли респонденты, чтобы Дагестан стал исламской республикой, были получены следующие ответы. По равнине (сельская местность): против – 87,9%, за – 8,1 %. Предгорье (сельская местность): против – 53,3%, за – 42,2%. Горы: против – 74,3%, за – 18,6%. Города: против – 83,3%, за – 13,4%.

Хотя мусульманское духовенство республики и не заявляло официально о своих намерениях создать исламскую республику Дагестан, их практические действия дают основание думать, что при сохранении сегодняшних тенденций развития церковно-государственных отношений это лишь дело времени. Та масштабная программа исламизации, которую предлагает официальное духовенство, предполагает фактический отказ от принципов светского государства.

Еще в 1992 г. в государственном классификаторе образовательных направлений и специальностей появились теология и религиоведение. Пока что теология в вузах не ведется, но попытки «пробивания» проекта стандарта по теологии не прекращаются. Если он будет принят, то представители духовенства республики легко включатся в систему образования РД, чего они упорно добиваются. Так, на республиканской научно-практической конференции, посвященной проблемам религиозного возрождения, 27 октября 2000 г. представители мусульманского духовенства республики выразили свое недовольство тем, что в школьной и вузовской системах образования нет места богословским дисциплинам.

Исламское движение «Нур» в программе своей деятельности поставило своей целью внедрить за счет государства в школьное образование обучение канонам мусульманской религии¹⁶. В республике наблюдаются многочисленные нарушения принципа отделения школы от церкви. Достаточно сказать, что в отдельных школах занятия по гуманитарным дисциплинам ведут представители официального духовенства, в вузах республики преподают два заместителя муфтия. В некоторых районах РД стало нормой, когда главы администраций не принимают сколько-нибудь серьезных решений без согласия духовных лидеров, что уже является нарушением принципа отделения церкви от государства.

Мусульманское сознание в республике находится на подъеме. Это обстоятельство максимально используется духовенством в политических целях. Наблюдатели правильно замечают, что «официальное духовенство Дагестана превратилось в субъект внутривнутриполитической борьбы и один из центров силы, причем в последние годы достаточно оппозиционной правительству республики»¹⁷. Эта оппозиционность проявилась прежде всего в критике нерешительных действий властей против религиозных экстремистов, медленных темпов исламизации общественной жизни.

Духовенство республики дало знать, что сегодня оно является самостоятельной политической силой с большими потенциальными возможностями. Муфтий РД А. Абдулаев в одном из своих интервью высказался следующим образом: «Зубы у нас сильные. Одним обращением мы можем поднять народ, но мы этого не делаем, чтобы избежать смуты»¹⁸. Ряд экспертов считает, что позиция ДУМД во многом отражает недовольство аварских элит сохранением и укреплением политического доминирования даргинских кланов¹⁹.

Основой стратегического союза между официальным духовенством и руководством республики остается «ваххабитская угроза». К сожалению, этот союз может дать и нежелательные последствия.

Во-первых, государство неосторожно вторгается в решение богословских вопросов. Госсовет республики после трагических событий, связанных с убийством муфтия РД Сайда Мухаммада Абубакарова в 1998 г., причислил его к тем, кто последовательно отстаивал «чистый ислам». Государственный орган не может быть на стороне одного религиозного течения, одной конфессии во избежание противопоставления себя другим конфессиям и религиям.

Во-вторых, как показало время, освобождаемая ваххабитами политическая ниша постепенно начала заполняться официальным исламом. Причем его представители выдвигают, по сути, те же задачи, что и ваххабиты: борьба с коррупцией, безнравственностью, внедрение шариата в общественную жизнь и др. Различие только в том, что ваххабиты, как считает секретарь Совета безопасности РД Ахмеднаби Магдигаджиев, шли по «афганскому сценарию», а официальное духовенство использует иные подходы²⁰.

Как ни странно, деятельность ваххабитов во многом облегчила достижение тех целей, которые ставит сегодня официальное духовенство. Государственная политика в этих вопросах была бы более рациональной, если бы она, последовательно подтверждая светский характер государства, дифференцированно решала бы проблемы своих отношений с различными религиозными течениями, в том числе и с ваххабизмом.

Опрос общественного мнения показывает, что население РД в целом не одобряет политическую, государственную деятельность мусульманского духовенства. Так, в горной зоне положительно относятся к такого рода деятельности духовенства 35,9%, отрицательно – 49,1%. В предгорье: за – 38,9%, против – 43,3%. На равнине: за – 13,1%, против – 68,7%. В городах: за – 18,2%, против – 65,6%.

В настоящее время борьба против религиозного экстремизма в республике, можно сказать, зашла в тупик. Это связано, во-первых, с тем, что Закон о запрете ваххабизма и иной экстремистской деятельности в РД остался «рамочным законом». Отсутствие таковой борьбы на уровне РФ делает ее половинчатой мерой, так как ваххабизм находит себе прибежище в других регионах РФ. Во-вторых, идеология ваххабизма не преодолена, а запрещена. Сердцевиной этой идеологии является фундаменталистская идея возврата к историческим ценностям ислама времен пророка Мухаммада. Неоднократные встречи представителей мусульманских фундаменталистов и официального духовенства в РД и на Северном Кавказе показали, что традиционный ислам проигрывает в идеологической борьбе исламскому фундаментализму. Признал это и ряд представителей духовенства республик Северного Кавказа на координационном совещании в Грозном в 1997 г.

В этих обстоятельствах можно понять недовольство со стороны правительственного Комитета по делам религий РД и отдельных экспертов в связи с отсутствием федерального закона, запрещающего ваххабизм²¹. Дело не в том, что такой закон не нужен, а в том, что в условиях низкого уровня культуры части населения и образования мусульманского духовенства, с одной стороны, в привлекательности, убедительности идей фундаментализма для верующего, с другой стороны, одними запретами искоренить фундаменталистские корни религиозного экстремизма невозможно.

Примечания

¹ Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1996 г. Махачкала, 1996. С. 202; 1998 г. Махачкала, 1999. С. 193, 221.

² Бобровников В.О. Ислам и советское наследие в колхозах северо-западного Дагестана // Этнограф. обозрение. 1997. № 5. С. 138.

³ См.: Новое государство в поисках новых путей. Материалы «Круглого стола» // НГ-Религии. 7 марта 2000 г.

⁴ Малащенко А. Ренессанс религии Мухаммада // НГ-Религии. 22 сент. 1999 г.

⁵ Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1999 г. Махачкала, 2000. С. 285.

⁶ Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1996 г. С. 266; 1997 г. Махачкала, 1997. С. 185; 1998 г. С. 257; 1999 г. С. 285.

⁷ Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 2000 г. Махачкала, 2001. С. 233.

⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. LXII. Дагестанская обл. 1905. С. 74–75.

⁹ Тульский М. Изменение религиозной принадлежности мира за 100 лет // НГ-Религии. 23 янв. 2001 г.

¹⁰ Малащенко А.В. Русский национализм и ислам // Вест. Евразии. 1996. № 2; Угрожает ли России «исламский» экстремизм? (Экспертные оценки) // Мусульмане. 2000. № 1.

¹¹ Ибрагимов М.-Р.А. Современный Дагестан: лики этничности ислама // Вести КНКО. Вып. 2. Махачкала, 2000. С. 16; Софрончук В. Зеленый свет домино // Советская Россия. 16 мая 1998 г.

¹² Бобровников В.О. Дагестан: между Россией и мусульманским востоком // Вест. Евразии. 2000. № 2. С. 132–133.

¹³ Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1996 г. С. 267.

¹⁴ Мчедлов М.П. Вера в России в зеркале статистики // НГ-Религии. 17 мая 2000 г.

¹⁵ Право выбора. Новый взгляд на истоки религиозных конфликтов // НГ-Религии. 29 нояб. 2000 г.

¹⁶ Комплексная программа духовно-нравственного оздоровления общества Общероссийского мусульманского движения (ОМОД) «Нур» // Нурул Ислам. 1998. № 11.

¹⁷ Поляков К. Вызов религиозного экстремизма в Дагестане // НГ-Религии. 14 янв. 2001 г.

¹⁸ Ахмедханов Б. Увидимся в раю // Новое дело. 2000. № 41.

¹⁹ Поляков К. Указ. соч.

²⁰ Магдигаджиев А. К озабоченности еще бы и компетентность // Новое дело. 13 окт. 2000 г.

²¹ Нужен ли России антиваххабитский закон? «Круглый стол» // Новое дело. 23 февр. 2001 г.

Z.M. Abdulgatov. Contemporary Religious Situation in Daghestan (the Process of Moslem Revival)

There was a religious revival in Daghestan after the breakdown of the USSR, which gives the author ground to speak of the second Islamization of the North Caucasus. The sociological data on the religiosity of the population of Daghestan, collected during a survey of the mountain, foothills, and flat areas of the republic, are provided. The appearance of Wahhabism, fundamentalist ideology, the issues of the relations between the state and the church are discussed.

© 2002 г., ЭО, № 6

Ю.А. Снопов

ЕВРЕИ В МОСКВЕ: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И РАССЕЛЕНИЕ (XV – СЕРЕДИНА XX в.)

Серьезные работы по демографии и статистике еврейского населения России появляются в нашей стране в начале XX в. Исследование Бориса (Дова) Бруцкуса «Статистика еврейского населения: Распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи 1897 г.» (СПб., 1909), основанное, как видно из названия, на анализе итогов всеобщей переписи населения, стало едва ли не первым трудом, в котором давалась достаточно полная демографическая картина жизни евреев в России. Этой работе предшествовало другое исследование того же Бруцкуса – «Профессиональный состав еврейского населения России: По материалам Первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г.» (СПб., 1908). Видный специалист в области экономики сельского хозяйства Бруцкус был к тому же сотрудником Еврейского колонизационного общества (ЕКО), что способствовало его интересу к «экономической демографии» еврейского населения и в особенности к статистическим исследованиям еврейских земледельческих колоний. Кроме упомянутых выше он выпустил еще две работы – «Еврейские земледельческие колонии» (СПб., 1909) и «Еврейские земледельческие поселения Екатеринославской губернии» (СПб., 1913), в которых на материалах переписи 1897 г. и данных исследований, проведенных ЕКО, дал подробный анализ хозяйственной жизни этих поселений.

Во время Первой мировой войны и в 1920-е годы демографические исследования еврейского населения не прекращались. Отчасти это произошло благодаря усилиям различных общественных организаций, прежде всего специализированного Еврейского статистического общества, а также Общества охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ). В последнем работал один из наиболее известных демографов этого периода Вениамин Биншток. В 1915 г. он совместно с петроградским исследователем Сергеем Новосельским выпустил в Петрограде книгу «Материалы по естественному движению евреев в Европейской России за 40 лет (1867–1906 гг.)». В 1920-е годы Биншток и Новосельский продолжили сотрудничество и в сборнике «Вопросы биологии